

Илья Муромец и Соловей-разбойник (12)

А ехал старой по чисту полю,
А по тому-де раздольицу широкому,
А наехал ле старой на росстаньюшки,
А наехал ле старой на широкия,
А подписана доска ли есть исподрезана,
А поставлены буквы да позолочены:
«А во перву ле дорожецьку — быть боґатаму,
А во вторуе дорожку — быть женатаму,
А во третью дорожку — живому не быть».
А подумал ле старый во своей башке:
«А нашто мне-ка ле, старому, быти боґатаму,
А нашто мне, старому, быть женатаму?
А я поеду-то ли по дорожки — да живому мне-ка не быть».
А сядился на коня, на коня да скоро-наскоро,
А бьет-то коня по тучным ребрам —
А под им карюшка россержаетца,
Да от земли-матушки отделяетца.
А наезжает ле старый да ко станичничкам,
А наезжает ле старый да-ко разбойничкам —
А хотят ле старого да бити, ноне грабити,
А хотят и ле старого да розлучити с конем.
А говорил лишь старой да таковы слова:
«А бити ле вам старого вам не за што,
А взяти ле у старого нечего.
А есть и ле у старого кунья шуба —
А стоит шубочька восемьсот рублей,
А пуговок и ле на ей да на три тысячи!..»
А пуще станичницьки россержаютца,
А на старого крепче да поднимаютца —
А хотят и ле старого да бити нонь да грабити,
А хотят и то старого да розлучити с конём.
А говорил и еще старый да таковы слова:
«А бити ли вам старого вам не за што,
А взяти-то у старого вам нечего.
А есть-то у старого как доброй конь,

А доброму ле коньцу цены как нет:
А потому-то конь вздымаетца,
А высокие горушки перескакиват,
А мелкие речки промеж ног берет!..»
А пуще станичники россержаютца,
А на старого крепче да подымаютца —
А хотят и ле старого да бити нонь да грабити,
А хотят и то старого да розлучити с конём.
А говорил ище старый во третий након:
«А есть у старого тугой лук,
А есть еще у старого десеть стрелочёк».
(Прежде луками [стреляли]).
А говорил ище старый да таковы слова:
«А старому смерть — страшным-страшно,
Страшным-страшно, смешным-смешно.
А у кого у вас ле есть дети малые,
У кого у вас ле есть да молоды жоны?..»
А закричал старый во всю голову,
А натягивал правой тугой лук,
А накладывал стрелочку заколёную,
А спустил стрелочку о сыру землю.
А эта стрелочка извивается —
А засыпал их желтым песком,
А закладывал сырой землёй крепко-накрепко.
А испугалися станичнички-разбойнички,
[А пали разбойнички на колени]:
«Ой вы гои еси, Ильюша Муромец,
А не губи нас, да недобрых людей, —
А ты оставь нас при живности,
А оставь нас ты хоть на семена!
Бери, сколько надо, золотой казны,
А бери-ка цветное платье,
А бери добрых коней, сколько надобно!»
А говорил и ле старой да таковы слова:
«А кабы брал я да ле нонь золотой казны —
А копали как мне бы погребы глубокия;
А кабы брал я да цветно платье —
А везли ле бы возы великия;
А как брал бы я да все добрых коней —

Да гнали бы за мной да табунами же!..»
Да садился [на добра коня] —
Да засверкала его сабля нонь вострая:
А косил их скоро-на́скоро,
Да убил всех разбойницьков-станичницьков —
Да очистил дорожку премоезжую.
А поехал старый нонь в передний путь
Да наехал на розбойника Рахматьича:
А сидит розбойник на семи столбах,
На семи столбах, да [на] семи дубах.
А засвистел Соловей по-соловьиному,
А закричал Соловей по-звериному —
А у старого-то конь на колени пал
От того от свисту бо́гатырского.
А натягивал старой правой рукой ту́гой лук,
А клал стрелочку раскалённую,
А спускал прямо в правой глаз,
А попал Соловья прямо в правой глаз —
А и пал Соловей да на сыру́ землю.
А подскочил Ильюша скоро-наскоро,
А схватил он Соловья-ка разбойника,
А схватил он Соловья на добра́ коня,
А пристегнул Соловья к седёлку черкаському.
А говорил Соловей да таковы́ слова́:
«Да поедем, удалой доброй молодец,
А поедем ко мне на широкий двор,
А поедем ко мне да во гринюшки
Да хлеба соли исть, пива с медом пить!..»
А поехал старой скоро-на́скоро,
А увидела да жена да нонь в окошечко:
«А едет Соловей да нонь Рахматович,
А везёт [Соловей удалого молодца!..»]
А взгленули нонь детушки в окошечко:
«Да не Соловей везёт нынче — да Соловья везут!» —
«А отворяйте ворота нонь да крепко-на́крепко,
А встречайте удалого доброго молодца,
А пойте-кормите нонь удалого!»
А дочь была нонь поленица:
«Я встречу его под подворотницей,

А не малая подворотница — в сорок пуд,
А убую удалого крепко-на́крепко!»
А подъехал он к широку́ двору́,
А загленул в подворотницу — стоит она:
Заколел палени́цу да приудалую.
А поехал старый да в передний путь,
А подъезжал к стольнему Киев-граду,
А ко тому ли князю ко Владимиру,
Да заезжал ко князю на широкий двор.
А то был день воскресеньской же,
А собралась беседа да весёлая,
А наезжали купцы, люди торговые,
А сидят здесь богатыри все уда́лые.
А заходит удалый в светлые гринюшки,
А поклонился старый во все стороны,
Князю Владимиру — наосóбицу.
А садят как гостя да за дубовой стол,
А подносят кушанья сахáрные,
А наливают братыночку зеленá вина,
А подносят старому крѣпко-на́крепко.
А берет старый единой рукой,
А пьет старый единым духом —
А заговорило у старого ретивó серьцѣ.
А говорят-то старому таковы́ слова:
«А ты откуль, удалый добрый молодец?
А ты какой ехал дорожкой: да окольнойей,
А окольнойей ехал ли, прямоезжоей?» —
«А я ехал дорожкой премоезжоей:
А залегла та дорожка да нонеча тридцать лет!»
А не поверили ему да усмехнулись:
«Во очах детинушка да завирается,
А пустяками детина да похваляется:
Да заросла та дорожка нонь тридцать лет,
А птица на ней не пролѣтывала,
А удалой добрый молодец не проезживал —
А заросла та дорожка Соловьем в тридцать лет,
А Соловьем да все Рохматовичем,
А заросла та дорожка разбойницьками,
Разбойницьками-станичницьками!»

«А если хочíte знать — да Соловей у меня,
А Соловей да у меня сидит на добром коне»...

Добрынюшка был догадлив, сказал, что не простой приехал. Тут ему приказали — он и привел...

(Зап. А. М. Астаховой 25 июня 1928 г.: д. Лебская Лешуконского р-на — от Гольчикова Якова Евдокимовича, 61 года.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.